Москвы над Тверью, но и в признании московского князя руководителем общерусской политики».[22] Данные доселе неизвестной описи 1626 г.[23] позволяют Л. В. Черепнину утверждать, что великий князь Дмитрий Иванович стремился использовать борьбу между сыновьями Ольгерда в конце 1370-х годов. «Сторонником подобного сближения с литовскими князьями и организации при их помощи борьбы с татарами являлся серпуховский князь Владимир Андреевич, литовские связи которого поддерживались через его жену Елену Ольгердовну». Опись 1626 г. отмечает «грамоту докончальную вел. князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, с вел. князем Ондреем Ольгердовичем да (ответную) грамоту докончальную вел. князя Ондрея Ольгердовича с вел. князем Владимиром Ондреевичем, а князь Владимир кончал за брата своего за князя Дмитрия Ивановича».[24] Очевидно, это была грамота о подчинении Андрея Ольгердовича великому князю всея Руси, и Владимир Андреевич при этом играет активную роль, заключая договор от имени своего сюзерена, «старшего брата». Еще значительнее следующие данные той же описи 1626 г. Во-первых, «грамота великого князя Дмитрея Ивановича и великие княгини Ульяны Ольгердовны, докончанье о женитьбе великого князя Ягайла Олгердова, женитися ему у вел. князя Дмитрея Ивановича на дочери, а вел. князю Дмитрею Ивановичю дочь свою за него дати, а ему, вел. князю Ягайлу, быти в их воле и креститися в православную веру и крестьянство свое объявити во все люди». Итак, Ягайло должен был стать зятем Дмитрия и «быть в их воле», т. е. становился в подчиненное положение своему тестю.[25]

Этот доселе неизвестный документ показывает, что у Дмитрия Донского был план осторожного, постепенного подчинения недавно только захваченных Литвой русских областей путем договоров о вассалитете. Об этом говорит и запись: «докончальная грамота в. кн. Дмитрия Ивановича и брата его, князя Володимера Ондреевича, с вел. кн. Ягайлом и з братью ево, и со князем Скиргайлом и со князем Карибутом; и против того другая грамота вел. князя Ягайла и брата его Скиригайла и Карибута, как они докончали и целовали крест вел. князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Володимеру Ондреевичю и их детем лета 6992». Итак, в 1384 г. состоялся договор Дмитрия с Ягайлом, причем надо заметить, что договор этот не равноправный: ничего не сказано о том, что великий князь Дмитрий целует крест Ягайлу, между тем Ягайло и его братья целуют крест великому князю, брату его Владимиру и их детям. Эти выражения дают возможность понять, что утраченный договор говорил о вассальной наследственной зависимости литовских князей от московских великих князей. Это совпадает со словами «быть в их воле» в предыдущем договоре, вероятно заключенном в том же 1384 г. или несколько раньше.

Все эти дипломатические планы были сорваны женитьбой Ягайла на Ядвиге: честолюбивый Ягайло не постеснялся теперь подчинить Литву и Русь польской короне, ибо он сам становился польским королем.[26] Только

[22] Там же, стр. 262.

[23] Эта опись, использованная Л. В. Черепниным, указывает, на основании ранней описи 1480-х годов, целый ряд документов, взятых и уничтоженных польскими захватчиками в 1610—1612 гг.

[24] Л. В. Черепнин. Договорные и духовные грамоты..., стр. 248.

[25] В этом сближении участвовала Ольгердова вдова, Юлиания Тверская; следует напомнить, что ее сестра Мария, вдова Симеона Гордого, жила в Москве до самой своей смерти в 1392 г., а брат ее, великий князь Михаил Тверской, с 1375 г. согласился на подчинение Москве.

[26] По Кревскому договору 1385 г. Ягайло обещал «terras suas Litvaniae et Russiae coronae regni Poloniae applicare». Видно, что он не особенно дорожил независимостью Литвы и так же легко мог подчинить ее в 1384 г. Москве.